

Лю Ху ранен

Не успел Сун Тинчжу оглянуться, как прошло уже почти полмесяца с тех пор, как он вошёл в семью Лю.

С Тянь Лэ, Сяомэй и Ся гэрлом рядом дни проходили спокойно и уютно, он редко болел. Лишь во время первого весеннего дождя он постоял под навесом чуть дольше обычного — и к полудню почувствовал жар. Лекарство не помогло, он ворочался всю ночь, и только к утру стало легче.

С тех пор Лю Сяомэй стала следить за ним ещё строже: позволяла выходить во двор не более чем на четверть часа. Стоило задержаться дольше — и девочка непременно жаловалась второму брату, Лю Ху.

Лю Ху, разумеется, не мог строго говорить со своей женой. Не умея выражать чувства словами, он лишь смотрел на него своими тёмными глазами — с обидой и тревогой, будто Сун Тинчжу чем-то его ранил. От этого у Сун Тинчжу возникало чувство вины.

Вспомнив, как тот смотрел на него прошлой ночью, Сун Тинчжу невольно ускорил шаг.

Увидев это, Сяомэй довольно кивнула, взяла свою корзинку с шитьём и сказала:

— Через два дня Праздник фонарей. Если простудишься, не сможешь поехать с нами в город смотреть огни.

Ся гэр неподалёку присел на корточки и играл с кузнечиками из соломы. Услышав о фонарях, он тут же оживился:

— Фонари такие красивые! Младший дядя, поедem с нами!

Сун Тинчжу чуть улыбнулся, но ничего не ответил.

Ему действительно стало лучше, но поездка в город на телеге с быком всё ещё была ему не под силу. Не хотелось портить настроение ребёнку.

Спустя некоторое время пришёл Тянь Лэ.

В эти дни он приходил в дом Лю почти каждый день — болтать с Сун Тинчжу и заодно упражняться в вышивке.

— Тянь Лэ гэр, ты пришёл! — радостно встретила его Сяомэй.

— Ага.

Он достал из кармана несколько фиников, дал детям и поспешил в западную комнату. Из-за пазухи вынул два ароматных мешочка:

— Зять, посмотри, как у меня получилось? Я хотел прийти раньше, но у нас были гости, только сейчас освободился.

Сун Тинчжу взял мешочки:

— Это снова сваты к твоему брату?

— Да, уже четвёртые после Нового года, — Тянь Лэ нахмурился. — Я только что тайком спросил сваху, нет ли у неё кого-нибудь и для меня. Знаешь, что она сказала?

Сун Тинчжу не стал гадать — по выражению лица было ясно, что ничего хорошего.

Тянь Лэ с досадой стиснул зубы:

— Сказала, что я бесстыжий, что никто не захочет брать такого «младшего брата» в мужья! Как будто мне так уж хочется замуж. Если бы не налог на холостых, мне и не нужно было бы. Мама может ворчать, но на самом деле ей жалко меня отдавать.

— С браком не стоит торопиться, — спокойно сказал Сун Тинчжу. — Если не встретил подходящего человека, лучше подождать. Тебе всего пятнадцать. Налог — сто двадцать монет. Если улучшишь вышивку, разве трудно будет заработать?

Тянь Лэ взглянул на свои мешочки и тяжело вздохнул:

— Я тоже так думаю... но посмотри на мою вышивку. Если бы я хотя бы наполовину умел, как Сяомэй, я бы так не переживал.

— Зарабатывать можно не только вышивкой. Даже если хорошо разводить кур и уток, можно жить неплохо.

— У нас места нет для этого.

Сун Тинчжу усмехнулся:

— Я просто привёл пример. К тому же ты сам говорил, что не умеешь обращаться с живностью.

— Да... — уныло ответил Тянь Лэ. — Наверное, не так много на свете деревенских детей, которые не отличают пшеницу от лука.

Сун Тинчжу хотел сказать, что и сам не отличает, но, выросший в уездном городе, он и поля-то не видел, поэтому сменил тему:

— Есть ли у тебя что-то, что тебе нравится делать?

— Нравится?.. — Тянь Лэ задумался. — Я люблю мастерить из бамбука. Дома у меня куча маленьких столиков и стульев, ещё могу делать птичек, курочек... обычных зверюшек тоже могу, но они слишком грубые, в городе не продашь.

— Тебе нравится столярное дело?

— Не особо. Просто люблю разбираться, как что делается. На тонкую работу меня не хватает. Мама всё ругает: мол, зря меня родила, надо было сразу отдать учеником к плотнику Яо.

Сун Тинчжу улыбнулся:

— Тогда тётушка, наверное, была бы разочарована.

Тянь Лэ подпёр подбородок, изображая печаль:

— Лучше бы я родился мужчиной. Не пришлось бы думать о налоге и сил было бы больше. В горы за бамбуком ходить легче.

Слова задела Сун Тинчжу.

Если бы он родился мужчиной... смог бы защитить мать?

Но это невозможно изменить. Ни ему, ни Тянь Лэ.

— Ладно, не будем об этом, — Тянь Лэ встряхнулся. — Я пришёл тебя развеселить, а не печалить. Пойду ещё поупражняюсь и через пару дней снова покажу тебе.

Сун Тинчжу кивнул.

Они ещё немного поболтали. Когда члены семьи Лю начали возвращаться, Тянь Лэ попрощался и ушёл.

После ужина все разошлись по комнатам.

В западной комнате Лю Ху помог Сун Тинчжу умыться и уже собирался уйти с тазом, как тот окликнул его:

— Подожди.

Сун Тинчжу нахмурился:

— Почему у тебя на спине кровь?

Увидев, как тот отвёл взгляд, он добавил:

— Если собираешься меня обмануть, завтра попрошу Сяомэй держать окно открытым весь день.

Лю Ху поспешно обернулся:

— Скажу... Сегодня на работе меня случайно задело бревном.

Сердце Сун Тинчжу дрогнуло:

— Как это случилось? Сильно ли? Ты хоть обработал рану?

Увидев, что жена за него переживает, Лю Ху глуповато улыбнулся:

— Ничего серьёзного, просто выглядит страшновато.

Сун Тинчжу нахмурился ещё сильнее. Поджав губы, он подумал, что при таком количестве крови рана никак не может быть пустяковой. Этот дурак, наверное, просто пожалел денег и не пошёл к лекарю.

— Подойди, дай мне посмотреть.

— Не нужно, жена, я уже намазал лекарством.

Лицо Сун Тинчжу потемнело:

— Вот как? Тогда и обо мне не заботься. Будем каждый сам по себе.

С этими словами он откинул одеяло, будто собираясь встать.

Лю Ху остолбенел у двери. Лишь когда босые ноги Сун Тинчжу коснулись пола, он спохватился, уронил ведро и поспешил к нему — подхватил на руки, уложил обратно и накрыл одеялом.

Впервые увидев жену сердитой, он растерялся и не знал, как её успокоить. Стоял, как столб, и от этого Сун Тинчжу злился ещё больше.

— Зачем ты обо мне заботаешься? Разве мы не договорились не вмешиваться в дела друг друга?

Лю Ху, не умея утешать, прижал край одеяла и пробормотал:

— Я... не соглашался.

Сун Тинчжу попытался вырваться, но только выдохся.

Тяжело дыша, он сказал:

— Сегодня ты можешь за мной присмотреть, а завтра — нет. Разве ты перестанешь работать и будешь сидеть дома, чтобы следить за мной?

Лю Ху молчал.

Сун Тинчжу сердито отвернулся к стене — с глаз долой, из сердца вон.

Позади долго не было ни звука. Лишь спустя время раздался его тихий голос:

— Жена, я был неправ. Не сердись на меня.

Сун Тинчжу не оборачивался:

— Тогда скажи, в чём ты виноват?

— Я... дам тебе ухаживать за собой и покажу спину. И... что скажешь — всё сделаю. Только не сердись.

Сун Тинчжу повернулся и посмотрел на него:

— Правда?

Лю Ху кивнул:

— Правда. Я не буду тебе лгать.

Только тогда лицо Сун Тинчжу немного смягчилось. Он сел:

— В шкафу есть мазь. Принеси.

Мужчина послушно пошёл за ней.

Когда мазь была принесена, Сун Тинчжу велел ему снять одежду.

Раньше он уже чувствовал сквозь ткань, что рана серьёзная. Но увидев её собственными глазами, понял, насколько всё плохо. Похоже, тот и правда не обращался к лекарю — просто кое-как промыл и перевязал. Полоска ткани почти врезалась в мясо — зрелище было таким, что у Сун Тинчжу защемило сердце.

— Есть ли в доме вино? Принеси. И ещё таз с горячей водой.

— Хорошо.

Когда всё было готово, Сун Тинчжу усадил его на край кровати. Осторожно сняв пропитанную кровью повязку, он протёр рану влажной тканью и тихо сказал:

— Сейчас полью вином. Потерпи.

— Жена, делай. Я не боюсь боли.

Сун Тинчжу нахмурился. Как можно не бояться? Просто он слишком привык терпеть.

Несколько дней назад он услышал от Сяомэй о том, что случилось до раздела семьи. Когда старая госпожа Лю была моложе, она часто болела. Лекарь говорил, что на неё наложено проклятие свирепого тигра. Но тигры водились только в глубине гор у деревни Юньси, а она туда никогда не ходила — откуда взяться проклятию?

Подумав, она направила подозрения на старшую ветвь семьи, а точнее — на двух внуков, Мэна и Ху. Сначала она не заходила слишком далеко — лишь хотела сменить имена. Но по дороге к дому старосты упала в канаву и чуть не погибла. Полмесяца пролежала, а едва встала — схватила внуков и выбросила их в задние горы.

Лю Мэну повезло — его заметили и спасли. А Лю Ху забросили дальше, и нашел его лишь через три дня старый охотник. Тогда ему не было и года — он даже говорить не умел. Ползунок, оставленный в горах на три дня...

Каждый раз, вспоминая это, Сун Тинчжу чувствовал, как сжимается сердце.

Глаза защипало, и он стал действовать ещё осторожнее.

Обработав рану, он тихо напомнил:

— Несколько дней не нагружай это плечо. Главное — чтобы рана зажила.

— Понял.

Плечо мужчины было покрыто не только ранами, но и грубыми мозолями от тяжёлого труда. Когда пальцы Сун Тинчжу коснулись их, он сам не понял, что почувствовал — только в носу снова защипало.

— Жена? — растерянно позвал Лю Ху, заметив, что тот не убирает руку.

Сун Тинчжу поспешно отвернулся и стал поправлять постель:

— Поздно уже. Гаси лампу и ложись.

— Хорошо.

В ту ночь Сун Тинчжу приснился сон.

Ему приснилось, будто мать хочет что-то ему сказать. Он хотел спросить, пришла ли она за ним, но, хотя расстояние между ними было небольшим, казалось, будто их разделяют горы и реки. Как бы он ни пытался догнать её — не мог приблизиться.

Он подумал, что, наверное, ещё не время. Может быть, через несколько дней он снова увидит её во сне и услышит её голос.

Тогда он хотел бы сказать ей, что женился. Его муж хоть и простой крестьянин, но заботится о нём и всегда рядом.

Он также хотел попросить мать немного подождать... потому что... ему стало немного жаль так рано уходить...

<http://bllate.org/book/17218/1615759>